Сознание вернулось рывком. В одно мгновение она бездумно покоилась в пустоте, а в следующее на нее обрушилась целая лавина чувств, запахов и звуков. Кожу обжигали прикосновения мягкой ткани, в нос сотнями острых игл впивался запах крови и пота, а в ушах с грохотом обвала стучали отдаляющиеся шаги.

Она попыталась пошевелиться — тело слушалось плохо и нещадно болело. Особенно сильно беспокоил низ живота, к тому же внутри недоставало чего-то важного. Разум отказывался понимать, чего именно не хватает, но эта пустота была настолько невыносима, что вынуждала действовать, даже несмотря на всепоглощающее желание просто замереть в попытке вернуться в то уютное ничто, из которого она за каким-то демоном выбралась в это отвратное место.

Её легкие с хрипом втянули воздух — язык обожгло одновременно сладостью и горечью, глотку резанул сухой кашель. За первым вздохом последовал второй и третий, с каждым разом даваясь все легче. Через некоторое время беспорядочные хрипы и кашель сменились мерным дыханием, а бунтующие чувства начали затухать, даря ей толику успокоения.

Девушка попыталась открыть глаза. Получалось с трудом, веки плохо слушались, а выступающие слезы мешали разглядеть хоть что-то. Когда она, наконец, справилась с этим, первое, что предстало перед ее глазами, оказалась белая полупрозрачная ткань, сквозь которую виднелся сводчатый потолок.

С усилием поднявшись, девушка осмотрелась по сторонам. Она сидела в большой мягкой кровати с резными стойками по углам. Сама кровать находилась в центре затемненной комнаты. Стены были завешаны красивыми гобеленами, между которыми виднелись темные каменные блоки. Скудный свет поступал сюда только через несколько узких окошек, больше похожих на бойницы. Из своего положения она не могла хорошо разглядеть их, но, судя по теням, в окнах были решетки.

Девушка не знала причину, но чувствовала, что люто ненавидит это место. Каждый предмет мебели, каждая нить в гобеленах и каждый камень стен настолько ей опостылели, что она бы с удовольствием все здесь спалила дотла. Вот только истоки такого отношения оставались непонятны. Казалось, ее голову наполнял густой туман, из-за которого даже собственное имя виделось каким-то размытым.

Как же ее звали?.. Кажется что-то на Л… Лина?.. Лиа?.. Лана?.. Близко… но… Лианна… Да, вот теперь правильно. Её зовут Лианна. Хотя… чего-то не хватает. Безусловно, она Лианна, но… Кажется, было еще одно. Куда более длинное… звучное… значимое…

Неважно. Плевать на все, сейчас главное, что тяжелая дубовая дверь напротив чуть-чуть приоткрыта и из-за нее тянет свежим воздухом.

Выбраться отсюда. Немедленно. К демонам слабость, боль и беспамятство, главное — оказаться вне этих проклятых стен!

Лианна откинула одеяло и на мгновение замерла, увидев, что под ним все было в багровых разводах. Подол длинной ночной рубахи пропитался кровью и лип к ее ногам. Вонь ударила с новой силой. Горло девушки сдавило от подступающей тошноты.

Раздраженно тряхнув головой, она подтащила себя к краю постели и опустила босые ступни на пушистый ковер. Резко бросив себя вверх, Лианна поднялась на ноги, покачнулась и сделала первый шаг в сторону двери, но чуть не упала. Ей удалось устоять только потому, что она успела вцепиться руками в стойку кровати.

Лианна перевела дух, отлипла от стойки, пытаясь сохранить равновесие, страхуя себя одной рукой. Осторожно потоптавшись на месте, чтобы размять затекшие мускулы, она отпустила кровать и медленно шагнула вперед. На этот раз все прошло, как надо, хотя ноги все еще дрожали, норовя подвести свою хозяйку.

Добравшись до выхода, Лианна оперлась о косяк и толкнула дверь. Скрипнули петли, открывая дорогу к свободе. Сразу за порогом оказался коридор с каменной лестницей, спускающейся вниз к еще одной такой же двери. Его освещала одинокая масляная лампа.

Осторожно ступив на холодный камень, Лианна захлопнула дверь и, тяжело дыша, прислонилась к ней спиной, опираясь руками на засов. Выбраться за пределы этой комфортной темницы было словно сделать глоток прохладной воды посреди пустыни. Девушку переполняли щемящая радость и недоверие, а измученное тело наливалось свежими силами, как будто даже просто оказаться за дверью было невероятным достижением, после которого открывается новое дыхание. Это пьянило.

Немного отойдя от неожиданного наплыва чувств, Лианна задумалась о своей реакции на такое, казалось бы, простое действие. Получается, она была здесь пленницей? Сколько же ей пришлось провести в этой комнате, если даже банальный шаг за порог бил в голову не хуже крепчайшего кваса?..

И что такое квас?..

Она напряглась в попытке выцепить из памяти хоть что-то конкретное, но не преуспела в этом — туман в голове оставался все таким же непроницаемым, а мелкие озарения только сильнее путали, не желая складываться в цельную картину.

Расстроенно постучавшись затылком о дверь, Лианна оттолкнулась от нее и начала медленно спускаться вниз. Что ж, раз уж голова не желает делиться своими секретами, значит, нужно просто двигаться дальше. Может быть, хоть так все прояснится…

«Хотя, если я пленница, то мне нужно быть осторожнее, да?» — подумала она, открывая дверь в конце спуска.

И буквально в тот же миг практически нос к носу столкнулась с некой молодой девушкой, которая, видимо, хотела подняться наверх. Одета она была в простые грубые одежды, а в руках несла ведро с водой и какие-то тряпки. Лианна мысленно определила ее в служанки, хотя сейчас не совсем осознавала, что означает это слово.

Увидев перед собой Лианну, девушка мгновенно уронила все, что тащила с собой, широко открыла глаза и мертвенно побледнела.

— М-м-миледи?.. Но мне же сказали… После таких тяжелых родов, вы… — сдавленно начала лепетать она, мечась взглядом между лицом Лианны и кровью на подоле ее ночной рубашки.

Не успев что-либо предпринять, Лианна так и застыла на месте, словно громом пораженная.

Роды… Роды?.. РОДЫ?! Это слово принесло с собой целый вихрь противоречивых чувств и знаний, сливающихся в безумную какофонию. Стук крохотного сердечка… движения внутри ее живота… слабый огонек души, бережно раздуваемый ее сутью… Так вот чего ей не хватало! Но… но, как?.. Как такое возможно?! Она не могла… после того, как взяла столь многое… зашла так далеко… не могла, сколько бы ни пыталась… её тело было слишком холодно, чтобы подарить жизнь!.. Или нет? Почему эти мысли в равной степени кажутся истиной и

одновременно несусветной чушью? Попытки?.. Да, были попытки и много… беловолосый дегенерат истязал ее всякий раз, когда находил для этого силы… раз за разом… в той самой комнате… на той самой кровати… как бы она ни отбивалась… он приходил снова… до тех пор, пока не стало понятно, что она носит ребенка… неверие, ярость, бессилие, апатия, НЕНАВИСТЬ… и любовь. Непостижимая, пылающая любовь к своему нерожденному дитя, силой соперничающая только с обжигающе холодной ненавистью к тому выблядку, который его зачал.

Лианна покачнулась. Слишком много всего на нее навалилось. Слишком силен был контраст с почти пустым, подёрнутым пеленой разумом, каким он казался всего лишь мгновение назад. Волны противоречивых чувств и слабо связанных образов захлестывали ее со всех сторон, стараясь разметать хрупкие скрепы сознания. Но в тот момент, когда до краха оставался последний шаг, среди одолевающей её мешанины возникла искра, в которой Лианна почувствовала свое спасение и мгновенно вцепилась в нее всеми оставшимися силами истощенного рассудка.

«НЕТ! Нельзя выпускать поводья чувств, как бы они ни рвались на свободу, глупая девчонка! — словно наяву услышала она надтреснутый старческий голос. — Разум суть отшлифованный самоцвет, по граням которого бегут всполохи эмоций, вечно скованные стальной волей. Только так, и никак иначе! Думаешь, прошла инициацию, научилась паре морозных фокусов и стала мастерицей? Один раз укротила стужу в собственных венах и больше тебе ничего не страшно? Чушь! Контроль, контроль и еще раз контроль! Твари моря душ всегда рядом, всегда алчут слабых духом, а сила Древней Вдовы не прощает ошибок. Единственный путь к могуществу лежит на тонкой линии между смертью и безумием. Стоит лишь раз оступиться, и все, чем ты являешься, будет либо разрушено, либо извращено. Отток сил в летнюю пору снижает опасность смерти, но взращивает безумие. Возьми себя в руки, бестолочь господарская! Иначе от тебя не останется даже оледеневшего трупа».

Лианна с усилием выдохнула. Воспоминание ухнуло на нее словно ведро ледяной воды, заставляя через силу отстраниться от бунтующих чувств. Старый урок, вырезанный в ее разуме болью и ужасом, стал той бухтой определенности, которая сейчас позволила ей не потерять себя. Используя слова неведомой старухи как опору, она усилием воли оттеснила опасные воспоминания, оставив на поверхности, то единственное, что сейчас было важно. Наконец у неё было не просто смутно осознаваемое стремление, но чёткая цель — ребёнок. Ей, во что бы то ни стало, нужно найти его и она найдёт.

— Я… я должна доложить… — вырвал Лианну из внутренней борьбы голос девушки.

Сколько прошло? Пара мгновений? А ей уже начало казаться, что приступ длился куда дольше.

Служанка уже обернулась, чтобы бежать, и начала набирать воздух для крика, но Лианна в последний момент бросилась вперед, левой рукой закрыла ей рот, а правой с неожиданной силой, для измученного тела, прижала к себе. Девушка попыталась вырваться, но не тут-то было.

— Умолкни и не дергайся, — прошипела она ей на ухо. — Где мой ребёнок? Отвечай!

— В… внизу, на первом этаже башни, — пролепетала та, когда Лианна чуть ослабила хватку на ее рту. — Но, он… миледи… м-м-м…

Лианна снова заткнула служанку. Здесь, совсем близко! Они еще не забрали его к дегенерату! Но что, если белые готовятся увезти его? Нужно спешить.

Быстро оглядевшись по сторонам, она увидела на столике рядом с дверью тяжелую глиняную чашу. Высвободив руку, которой удерживала свою пленницу, Лианна схватила посудину, и прежде, чем служанка успела что-то понять, ударила ту по затылку. Девушка мгновенно закатила глаза и обмякла у нее в руках.

Лианна втащила бесчувственное тело служанки в коридор и опустила его на ступени. Переведя дух, беглянка прислушалась, стараясь не обращать внимания на грохот собственного сердца. Похоже, кроме этой девушки, рядом никого не было, в ином случае ее бы уже заметили.

Скользнув в комнату, она огляделась по сторонам, ища глазами следующую дверь. Обнаружив искомое, Лианна двинулась в ту сторону, но, проходя мимо стола в центре комнаты, остановилась. Ее внимание привлек тяжелый серебряный подсвечник с красивой резьбой по всей поверхности. Подняв его, Лианна взвесила потенциальное оружие на одной руке, после чего, перехватив двумя, попробовала махнуть перед собой, затем решительно кивнула сама себе и двинулась дальше.

Приблизившись к следующей двери, Лианна не стала опрометчиво бросаться к ней, как к первым двум, а придвинулась к стене и начала прислушиваться к тому, что происходит за ней.

Первое время ей казалось, что все тихо, тем не менее, она не спешила, и вскоре была вознаграждена звуками шагов и лязгом доспехов. На какое-то мгновение девушка запаниковала, но взяла себя в руки. Втянув носом воздух, стараясь успокоить колотящееся сердце, Лианна поспешно юркнула на другую сторону от выхода и, покрепче перехватив подсвечник, замахнулась им для удара.

Шаги приближались, и кто-то завозился с той стороны. Дверь резко скрипнула и открылась вовнутрь. В первые мгновения из своего положения Лианна увидела только латную перчатку, покрытую белой эмалью, когда незнакомец взялся за край двери, чтобы закрыть ее, но внутри у девушки все заклокотало даже от такой малости. Одного взгляда на покрытую белой эмалью сталь оказалось достаточно, чтобы её охватило всепоглощающее бешенство, и когда из-за деревянной преграды показалась слегка повёрнутая голова противника, Лианна атаковала с гораздо большей яростью и силой, чем сама ожидала. Край глаза мужчины едва дрогнул заметив движение, а серебряный подсвечник уже встретился с его непокрытым затылком.

Голова рыцаря дернулась в сторону, ему самому пришлось шагнуть вперёд, чтобы не упасть. На пол брызнула кровь. Отшатнувшись от неожиданного удара, он инстинктивно потянулся за мечом, и это была его ошибка. Не позволяя себе терять инициативу Лианна почти прыгнула вперёд, резко взмахнула своим оружием наискось вверх, снова метя в голову противника и достигла успеха. Вложенной ею силы и ошеломления от двух атак оказалось достаточно, чтобы, начавший разворачиваться, мужчина споткнулся и рухнул грудью вперёд, прямо на край стола. От падения резная ножка, на которую пришлась основная нагрузка, надломилась, заставляя тело сползти с покосившейся мебели на пол.

Не теряя времени, Лианна наступила на бронированную спину и со всей силы опустила подсвечник на голову рыцаря. Потом снова подняла свое оружие и ударила еще раз… и еще раз… и еще. Только на шестом замахе красная пелена начала спадать с ее глаз, и она осознала, что мужчина больше не двигается, а его череп покрыт кровоточащими вмятинами.

Тяжело дыша, Лианна медленно опустила подсвечник, с трудом удерживая его слабеющими пальцами. Она неотрывно смотрела на свою жертву, едва веря что всё оказалось так просто. На рыцаре были белые латы и светло-серебристый плащ, через кровавые разводы на голове она

видела его пепельные волосы. Молодое лицо и фиолетовые глаза, которые она хорошо запомнила, несмотря на то, что видела только мельком и сбоку, всколыхнули что-то на краю сознания, но это воспоминание быстро скрылось под волной отвращения, которое она испытывала к цвету его одежды и доспехов — знаку того, что он был прихвостнем той драконовой мрази, которая… которая…

Девушка раздраженно тряхнула головой и со стоном прижала ладонь к лицу.

«К иным все это! Проклятые вспышки памяти постоянно отвлекают от самого главного, словно ветер, то и дело приносящий вонь тролльего дерьма, — устало подумала она. — Помогите мне, Боги! Если бы меня в этот раз накрыло так же, как после встречи со служанкой, то он бы меня скрутил, а ведь здесь может… быть… ещё кто-то».

От этой мысли Лианна резко развернулась к закрывшейся двери. Её горло пересохло от страха. Тот грохот, с которым свалился рыцарь, должен был разворошить все это проклятое осиное гнездо. Вот сейчас сюда вбегут другие, и все будет кончено. Она опять окажется в той отвратительной комнате, чтобы сидеть там и ждать… ждать, пока вернется её ненавистный тюремщик, и все начнется заново!

Внезапный приступ паники сковал Лианну по рукам и ногам, не позволяя пошевелить ни одним мускулом, а в ее голове набатом стучало «Заново! Заново! ЗАНОВО!!!». Но… Одно мгновение сменялось другим, и ничего не происходило. Вокруг стояла звенящая тишина, а топота множества ног как не было, так и нет.

Неожиданный скрип чуть не заставил Лианну подпрыгнуть на месте. Вот только пришел он совсем не оттуда, откуда она его ожидала. Медленно развернувшись, она встретилась глазами с давешней служанкой. Девушка стояла рядом с дверью, за которой Лианна её оставила и, держась за голову, смотрела на нее широко раскрытыми глазами, в которых с каждым мгновением все сильнее разгорался ужас.

Взгляд служанки метнулся от лица Лианны к трупу рыцаря, потом к её руке, в которой та до сих пор сжимала подсвечник, после чего опять вернулся к лицу. Девушка слабо пискнула и отступила на шаг назад, после чего развернулась и с воплем бросилась вверх по лестнице.

Лианна глубоко вздохнула, пытаясь вернуть себе некое подобие спокойствия, и снова прислушалась. Кроме удаляющегося крика служанки ничего не было слышно. Почему же так тихо?.. Неужели все ушли? Неужели…

Сердце Лианны вновь начал заполнять страх, но если прежде он сковывал, то теперь гнал вперед. Совершенно забыв и о своих опасениях, и о мертвом рыцаре, и о служанке, она бросилась к выходу. Там оказался освещенный факелами коридор с несколькими дверьми по правой стороне и одной напротив.

Лианна подлетела к ближайшей и распахнула ее. Пусто. Небольшое окно, шкаф, стол, стойка для оружия и кровать — вот и все, что там было. Перейдя к следующей двери, Лианна распахнула и её, затем к следующей, и так до самого конца коридора. Везде пусто. Даже за дверью в конце коридора, за которой оказалась библиотека, не было ни единой живой души.

Страх кольнул с новой силой.

В библиотеке нашлась лестница на нижний этаж. Сбежав вниз, она оказалась в просторном помещении с парой больших масляных светильников под потолком, высокими узкими окнами, длинным столом в центре и скамьями у стен. Отсюда вели три двери, причем одна, самая

большая, явно выходила прямо на улицу.

Пусто и тихо, как и в других местах.

Лианна быстро зашагала к главному выходу, но замерла на середине пути. Её взгляд зацепился за одну из скамей у стены слева от двери. Точнее, за большую плетеную корзину. Чуть помедлив, она пошла к корзине.

Пусто и тихо.

С каждым шагом идти становилось труднее. В нескольких метрах от цели ее ноги уже едва поднимаются.

Тихо, слишком тихо.

Внимание Лианны приковано к краю мягкой ткани внутри корзины, и она через силу идет дальше. С улицы доносится лязг оружия, но она его не слышит.

Как же здесь тихо.

Еще шаг и она заглянет в корзину по-настоящему, но она совершенно не хочет этого делать. Лианна сглатывает, пытаясь смочить пересохшее горло, и все же делает этот шаг.

Тихо…

Там, в корзине, на мягкой ткани лежит ребенок. Нет ни движения тщедушных ручек, ни трепета ресниц. Он неподвижен. Холоден. Мертв.

Лианна медленно опускается на колени перед корзиной. Её дрожащие руки тянутся внутрь, поднимают маленькое тельце. Она нежно прижимает дитя к себе. Из ее глаз скатывается первая слезинка, за которой следует целый поток.

К потолку Башни Радости возносится тоскливый полукрик-полувой.

http://tl.rulate.ru/book/31769/686604